

АЛЕКСАНДР РАКОВ

НА МИЛОСТЬ
ДНЯ

БЫЛИНКИ

Александр Раков
На милость дня. Былинки

Православное издательство "Сатись"

2006

Раков А. Г.

На милость дня. Былинки / А. Г. Раков — Православное
издательство "Сатись", 2006

ISBN 5-7868-0010-5

Автор книги хорошо известен православному читателю. Профессиональный журналист, закончивший филологический факультет Ленинградского государственного университета, Александр Раков с 1993 года является главным редактором газеты «Православный Санкт-Петербург». На основе рубрики «Записки редактора» созданы книги «Былинок», последнюю из которых – «На милость дня» – Вы держите в руках.

ISBN 5-7868-0010-5

© Раков А. Г., 2006
© Православное издательство
"Сатись", 2006

Содержание

Предисловие	6
Мелодия, как зов простого горна	9
Ответ читателю	12
Где мы, когда человек одинок?	16
Нищий	17
На Арбате	18
Плачущие руки	21
Песня воробышку	23
Ода воробью	26
Не ввели еще чернила...	27
Берегите своих невест!	34
Отрядом книг уставил полку	38
Летайте самолетами...	41
Имя – Александр	44
Молитва святому, имя которого носишь	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Раков

На милость дня. Былинки

Будь же моим Утешителем и подскажи, как мне жить, чтобы детей и родителей не огорчить, не смутить, – чтобы хватило терпения снова любить и прощать, – знаками благодарения ранее утро встречать.

*По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА*

© Раков А.Г., текст, составление, 2006
© Издательство «Сатись», 2006

Предисловие

Так уж совпало: мое знакомство с книгой, которую вы только что открыли, дорогой читатель, началось в неделю Торжества Православия. В это первое воскресение после начала Великого Поста в храме на литургии читают евангельский рассказ о том, как Филипп позвал Нафанаила пойти и посмотреть на Господа. *Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? (Ин, 1, 47–48).*

Вечером этого дня я стала перелистывать страницы новой книги, и надо сказать, что самое первое, главное впечатление, возникшее при чтении, было таким: «Вот православный русский человек, в котором нет лукавства». Автор сразу привлек к себе сочувственное внимание своей исключительной искренностью, любовью к правде.

Его имя было мне известно давно. Да и кому не знакомо имя Александра Ракова, очень строгого, как говорят, редактора весьма читаемой и почитаемой в городе газеты «Православный Санкт-Петербург»! Газету при ее рождении благословил приснопамятный митрополит Иоанн (Снычев). При всех перипетиях времени и усилиях «враг видимых и невидимых» она не только выстояла, но и окрепла – наверное, по молитвам святителя и во многом благодаря мужеству и подвижническим усилиям своего редактора. Раков принадлежит к послевоенному поколению детей Победы, которое обладает редкими и неистребимыми качествами внутренней независимости и достоинства. К тому же он носит имя Александр, смысл которого – «защитник людей». Боевое имя, подходящее для человека, который сражается на передовой.

Вот и все, что было мне известно. Важные, но довольно-таки внешние сведения. Теперь же, через книгу, стала раскрываться перед внутренним взором душа этого человека – так широко, так разносторонне, доверчиво и щедро, что нельзя было не откликнуться благодарно, с теплым чувством духовного родства, на этот неожиданный дар.

Сначала, однако, скажу несколько слов о форме книги, неразрывно связанной с ее содержанием. Опытный журналист и новый в нашей литературе писатель, растущий от книги к книге, Александр Раков нашел свой, весьма интересный и необычный литературный жанр. Этот жанр определен самим автором совсем не академично, зато образно и метко – «былинки». Что же это за новшество такое? Попробую, насколько сумею, передать свое понимание. Былинки связаны с былью – жизненной былью и еще былью сердца, совести и ума. Они несут в себе впечатления, чувства, размышления, воспоминания, которые спонтанно, ненароком посещают душу и во всей своей непосредственности, живой первозданное™ оказываются на кончике пера (или на кончиках пальцев, бегущих по клавишам компьютера) и бережно высеваются на бумагу. И вот прорастают на ней, тянутся к небу скромные легкие «былинки». В них вовсе нет торжественной героики былин. Но они связаны и с вечной сутью бытия, и с насущными заботами, тревогами, радостными и скорбными мгновениями нашего повседневного житья-бытья.

Жанровое своеобразие этой книги чем-то родственно наиболее оригинальным, новаторским книгам В.В. Розанова – «Уединенное» и «Опавшие листья», созданным в начале XX века. Редкие по своей интимной откровенности заметки, собранные в названных книгах, представляют собой свободное сочетание ярких публицистических оценок, лирических зарисовок, емких философско-исторических размышлений, мимолетных впечатлений. Такое тематическое и стилевое разнообразие, при всей видимой «рукописности», безыскусности, непосредственности словесного выражения, требует высокого мастерства.

Все сказанное побуждает увидеть некие параллели в литературных поисках видного представителя русского Серебряного века и автора этой книги, Но между ними есть и существенные различия, Розанов часто эпатирует читателя, стремясь подчеркнуть свою ориги-

нальность, индивидуальную обособленность, «уединенность» от всего и всех. Типичный представитель своего времени, он мечется от язычества к христианству и обратно. А.Раков, при всем очевидном своеобразии своей личности, совсем не стремится к нарочитой оригинальности и непохожести на других. Напротив, он пишет о том, что волнует, заботит многих. Его «былинки» едва ли не в каждой своей строчке напоминают, что все мы – родные.

Нисколько не стремясь никого эпатировать, Раков честно обнажает самые болевые точки нашей жизни. Он пишет о нищих ветеранах, о бомжах, о брошенных животных и уничтоженных в материнском чреве детях, о нашем непонимании родителей, нашей непоправимой вине перед ними. Он задевает болезненные струны так называемого национального вопроса, берedit душевные раны, напоминая о судьбах искалеченных в Чечне солдат. Есть страницы, которые читать невыносимо тяжело – такое страдание и сострадание они вызывают. Но читать необходимо: с сердца сдирается короста забвения, безразличия, самоуспокоенности.

В книге можно найти и много светлых страниц – о послевоенном детстве, о мальчишеских играх, о родительском доме, о первой любви. И о благодатных дарах сегодняшней жизни – драгоценных встречах с духовным отцом, общении с близкими и дорогими людьми, с животными и птицами, с родной северной природой. Часто встречаются на этих страницах блестящие доброго юмора. И все это тоже вызывает у читателя чувство сопричастия: у нас одна общая историческая судьба, одна страна, одна вера.

К православной вере, судя по собственным признаниям, автор шел, как и многие из нас: через испытания, ошибки, падения, разочарования, страдания, осознание близкой гибели души. Так трудно обрета веру, он уже, хочется думать, не отступится от нее, как случилось с талантливыми представителями Серебряного века. В книге есть смелые попытки публичной исповеди в тех грехах, которые продолжают мучить совесть. И происходит ответное движение: совесть читателя оживает, страдает, вспоминает – работает...

Одна из читательниц предыдущих «былинок» написала А.Ракову письмо, помещенное в этой новой книге. Она благодарит автора за мужество, с которым он приносит свою исповедь перед всеми, «на миру». И далее делится такими впечатлениями: «Читаю «Былинки» с душевным трепетом, зная, что на каждой странице найду что-то для себя, и сегодня, и в будущем... Примеряешь на себя многие ситуации, сравниваешь, анализируешь. Получается не просто чтение-развлечение, а чтение-работа, и мысль постоянно в действии, не витает «над»...

Вот это вовлечение читателя во внутреннее пространство повествования, побуждение к духовному труду – одно из самых драгоценных качеств книги, которое основывается на традициях православной культуры. И еще одно важнейшее достоинство книги – это ее соборное начало. Живое чувство православной соборности, которую А.С.Хомяков определил как «свободное единство в любви», уже утраченное, к сожалению, многими нашими соотечественниками, побуждает автора выбрать необыкновенно доверительную интонацию в разговоре с читателем – разговоре самых близких людей, которым нечего друг от друга скрывать.

На тех же соборных началах основан, на наш взгляд, совершенно самобытный, свежий прием, который использует автор в каждой своей «былинке»: он непременно привлекает к разработке затронутой темы стихи различных поэтов, знаменитых и малоизвестных, а то и совсем не знакомых даже искушенному читателю. В конце книги приведен список участвующих в ней поэтов – в нем насчитывается 270 имен! Многие из нас, увязнув в суровой жизненной прозе, почти отвыкли от поэзии. А.Раков упорно и осознанно разворачивает, заново приучает к ней читателя и тем самым выполняет, помимо литературной, еще и важную просветительскую задачу. Ну, а что же все-таки дает такой прием в художественном отношении? Как объясняет сам писатель, «к вескости прозы прицепляешь стропы поэзии – и воздушный парашют-одуванчик, званный духом попутного ветра, поднимается над землей и неспешно парит вдаль». Как видим, писателю самому не чужда лирическая образность. Кроме того, он умеет подобрать стихотворный отрывок так, что этот отрывок (или целое стихотворение) органично, «без

швов», срastaется с авторской прозой и способствует сильному эмоциональному и нравственному воздействию на читателя. «Но ведь он к своему присоединяет чужое!» – может возразить какой-нибудь скептик или литературный фарисей. В том-то и дело, что не чужое, а родное, свидетельствующее о нашей единой соборной душе.

И последнее общее впечатление. В книге А.Ракова возникает полный жизни и движения русский космос, в котором собраны и благословлены былинки и звезды, люди, звери, птицы, в котором размышляют, страдают и радуются, щедро делятся друг с другом плодами духовного труда сам автор, его замечательный духовник о. Иоанн Миронов, другие духовные лица, а также многочисленные поэты и еще более многочисленные – мы, читатели. Нас всеми средствами и способами пытаются разъединить. А мы – давайте будем вместе. Будем с Богом. И тогда победим.

Христос Воскресе!

Ольга Сокурова,
кандидат искусствоведения, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Было чувство тревожным и сильным,
А желанье – большим и прямым:
Так хотелось прославить Россию
Небывалым открытjem своим!
Но тянулись унылые будни,
Распирала нас тайная злость:
Махинаторы были и блудни,
Открывателей не завелось.
И привычной дорогой отцовской
Уходили мы в цех и в забой,
И гордились рабочей спецовкой,
Как единственно верной судьбой,
И читали впервые, не веря,
Что буржуйской мощне на поклон
Хитроглазо-валютные звери
Ускользали от нас за кордон.
И завзятым врагам на потребу
За деньгу поносили взхлеб
И Отечества бывшего небо,
И вскормивший их некогда хлеб.
Нам такая судьба не годилась;
Дети **кровные** отчей земли,
Никакую фальшивость и гнилость
Мы с рожденья терпеть не могли.
И поныне, отнюдь не спесивы,
В назначение верим свое:
Пусть не сделались Славой России —
Мы не стали Позором ее...

Виктор Кортаев

Мелодия, как зов простого горна

Литература неточно отражает жизнь. Более того, она отражает чье-то видение жизни, а не саму жизнь. Человеческая жизнь наполнена высоким и низким, молитвой и бытом, грязным и чистым. Наша мысль скачет с одного на другое – и человек почти одновременно думает и о смерти, и о стирке белья. Жизнь нельзя разделить на периоды и главы; в гениальной эпопее Горького «Жизнь Клима Самгина» текст идет без разбивки, Меня поддерживает и Лев Толстой: «Здоровый человек обыкновенно мыслит, ощущает и вспоминает одновременно о бесчисленном количестве предметов, но имеет власть и силу, избрав один ряд мыслей или явлений, на этом ряде остановить свое внимание».

Литература очищает, уплощает мысли и поступки человека, обедняет их, делает плоскими, последовательными, На самом деле мыслительный процесс принятия решений происходит совсем иначе – прислушайтесь к своим скакунам-мыслям,

Литература вынуждена излагать мысли и поступки раздельно, более того, с усложнением действия и увеличением лиц одновременное действие растягивается в сложное последовательное изложение. Кроме того, литература не в состоянии вместить мысли персонажей, предшествующие поступку, и все это приводит к искажению действительности в пространстве и времени. Высказанная мысль есть результат мысленной борьбы противоречия мыслей. Швейцарский писатель Дюрренматт сказал: «Писать – значит устраивать очную ставку с действительностью».

Литература есть условность. Читающий человек производит колоссальную мыслительную работу, переводя плоскость написанного в свойственное человеку объемное восприятие. Настоящий писатель с помощью имеющихся в его распоряжении литературных приемов помогает читателю перевести писательские символы в некую реальность, более или менее близкую к идеалу. Вся настоящая поэзия соткана из символов; поэзия говорит образами и поэтому уже ближе к Истине. Книга устремлена к знанию, поэзия – к чувству.

Несовершенство и беда литературы – в способе изложения. «Нет ничего на свете сильнее... и бессильнее слова!» – восклицал Иван Тургенев. Возможно, в будущем появятся произведения, основанные на иных принципах изложения – появились же трехмерные шахматы. А пока читатель занимается непрерывной расшифровкой писательских криптограмм.

Чищу книжные полки,
Убираю излишек.
Время мудрой прополки
И насущнейших книжек.

Видно, с возрастом все же
Мы взыскательней судим
И становимся строже
К сочиненьям и людям.

Что-то вдруг устарело,
Что-то вновь зазвучало.
Безпоощадно и смело
Счет ведется сначала.

В нашем веке спешащем
Так нужна долгосрочность.

Знаменитых все чаще
Проверяем на прочность.

С полок рушим осколки
Отработанных истин.
Чистим книжные полки.
Не себя ли мы чистим?

Яков Хелемский † 2003

* * *

Намедни пришел ко мне хороший знакомый. Грязь на дворе, и ноги мокрые.

– Натопчу я вам, – смущается посетитель.

– Ничего, проходи, мы тебе всегда рады, – отвечаю приветливо и думаю: – Жена только уборку сделала... натопчет... да и не вовремя он пришел – только я за книгу хотел... Господи, помилуй! Госпо... И говорю: – Слушаю внимательно.

Знакомый стал обстоятельно рассказывать о своей проблеме; детали рассказа сливались в один клубок, а если совсем честно, слова его, влетая в одно ухо, улетали у меня через другое. Что происходит с газетой? никак я не могу сладить и с людьми и с ошиб... Господи, помилуй, Господи... батюшка так мало говорил со мной... примет издательство книгу или нет... надо материал ко дню Победы добыть...

– Приготовь нам чаю, пожалуйста, – говорю жене, страдая от безконечного рассказа.

Конец-то будет... замок в подъезде сломали... надо завтра не забыть ворон покормить булкой... Господи, помилуй... как там с книгой дела-то... а батюшка говорит: поезжай с женой на Кипр к святыням... Господи...

– Как мне поступить, по-твоему? – задает вопрос гость, и я чувствую, что беседа подходит к концу.

– Да я бы сделал так-то и так-то, – отвечаю. Дадут мне сегодня поработать или весь вечер пропал... еще чай пить... да ведь нужно попросить его... он может помочь...

– Слушай, а ты не можешь мне помочь? – разговор опять набрал обороты, но жена принесла поднос с чашками. Еще через полчаса мы расстались. Слава Богу... устал я от него, могу я хоть вечером побыть наедине...

– Будет время, заходи. Привет супруге.

Как хорошо, что люди *не слышат* мысли себе подобных!

«Иногда мысль пролетит в голову недобрая... Это вражья стрела. Пускает ее враг, когда внимание желает отвлечь от молитвы и занять чем-нибудь не Божеским». Свт. Игнатий Брянчанинов.

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, Боже мой, какая скука
С больным сидеть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,

Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
«Когда же черт возьмет тебя!»

Александр Пушкин
«Евгений Онегин»

Ответ читателю

«Уважаемая Надежда Михайловна!

Сегодня получил Ваше письмо и сразу же отвечаю. Не скрою, приятно, когда твой труд оценен по достоинству: писатель может сколь угодно уверять себя, что написанное им вполне достойно нести до людей, но пока этого не скажут сами люди, уверенности не будет, Могу Вас порадовать: на днях я сдал в издательство вторую книгу “Былинок”, теперь с волнением жду, что оно скажет,

А то, что я бываю не очень приветлив, – истинная правда, Бороться с собой почти в 60 лет невероятно трудно, Так что простите великодушно. Конечно, крест тяжелый, но у кого он легкий. Просто я, как редактор и писатель, на виду, а обычных людей мы не замечаем, Но и люди тоже народ непостоянный, как Вы пишете, “разный”,

Хорошо, что наши мамы лежат на Серафимовском, правда? Да я еще по молитвам духовника, о. Иоанна Миронова, и живу рядом,

Еще раз благодарю за добрые слова. Постараюсь соответствовать,
С Постом приятным! Александр Раков».

Чем люди живы?
Люди живы Божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздаётся,

Люди живы той любовью,
Что одно к другому тянет,
Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет,

А когда не слишком смело
И себя причислить к людям, —
Жив я мыслию, что с милой
Мы навеки вместе будем.

Владимир Соловьев † 1900

* * *

А вот на это письмо я не ответил...

«Был я недавно на престольном празднике в одном бедном московском храме. Перед входом увидел настоятельский джип марки “Фольксваген Туарег” стоимостью, как минимум, 50 тысяч долларов. И у меня возник вопрос: можно ли поучать небогатый люд – а таковой составляет большинство прихожан не только в этом, но и почти во всех храмах – добру, любви, честности, нестяжанию, разъезжая на шикарном автомобиле? Мне кажется, если уж поучать, то и показывать на личном примере.

Попытался найти ответ на этот вопрос у священника храма, в котором до недавних пор часто бывал. Задал вопрос в письменной форме для публикации в приходском листке и получил в ответ невразумительную ахинею, по сути, окрик: “Не трогай нашего брата, лучше на себя

посмотри”. Мне расхотелось быть прихожанином этого храма, хотя и очень обидно: обидно потому, что я очень любил храм и с удовольствием слушал проповеди этого священника и специально ходил в те дни, когда служил именно он. Примерно такой же неубедительный ответ на подобный вопрос прочитал в книге “Вопросы священнику-2”, недавно изданной Сретенским монастырем. Видимо, священство не умеет или не хочет прямо и честно, без менторского тона и высокомерных поучений, отвечать на неприятные и трудные вопросы.

Буду признателен Вам, если Вы, как безпристрастное лицо, не заинтересованное в защите “корпоративных интересов”, ответите на вопрос, который, возможно, беспокоит не только меня одного...»

Я переадресовал письмо в Сретенский монастырь и вскоре получил ответ от священника Афанасия Гумерова: «Все мои знакомые священники живут в обычных городских квартирах. Одни не имеют машин, у других они есть. Шикарными их не назовешь. Те, кто имеет иностранные марки, отличаются от тех, кто обладает отечественными машинами, только тем, что в несколько раз меньше тратят денег и времени на ремонт. Люди, не знающие близко жизнь священника, не представляют, сколько времени он проводит в поездках, чтобы исповедать, причастить, соборовать болящих или тяжкобольных, крестить в больнице или в роддоме, освятить квартиру, совершить панихиду на кладбище. Машина сберегает силы и время.

Что же касается личной скромности и нестяжательное™, то к этой добродетели должны стремиться все христиане. Нравственный идеал един. Святой апостол Иаков говорит: *Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, безпристрастна и нелицемерна* (Иак, 3, 17). Разумеется, священники должны учить примером и никого не соблазнять, Если кто-то это делает, то подлежит не нашему суду, а Божьему, Наши суждения и оценки бывают чаще всего поверхностны и неточны, Как много негативного было сказано в начале XX века либеральной печатью о нашем духовенстве: роскошные архиерейские покои, богатые рясы священников и пр, Через несколько лет большинство их попало в прогнившие лагерные бараки, В простых заштопанных подрысниках они валили лес, но Христа не предали, а своим исповедничеством пополнили сонм святых мучеников»,

«Господи, помилуй,
Господи, прости!
Господи, дай силы
Крест свой донести...» —
Он шептал невнятно,
Корчась на полу,
Где расплылись пятна
Ржавчины в углу...
Помертвели губы:
Бить умеют там! —
Выплюнул он зубы
С кровью пополам...
Нет, не мог он зверем
Умереть сейчас!
Господи, помилуй,
Господи, прости,
Господи, дай силы
Крест свой донести...»

Алексей Марков

* * *

Пение любят все; прислушайтесь к ляляканью младенца, к той радости, с которой он исторгает первые протяжные звуки; присмотритесь, как молодеет лицо дряхлого старца, напевающего любимый мотив. Слова полюбившихся песен мгновенно становились достоянием народа, их авторов награждали орденами. И что удивительно, народы всего мира любят петь.

А люди придумали песни,
не стали шипеть или каркать!
Любовь и песня – ровесники
из доисторических парков.
Наверное, сердце нежное
не выдержало когда-нибудь:
вышло на побережье
из пещерного здания...
И жалобно так, и ласково
поведало звездам чувства:
без артистической маски —
и не ради искусства!

Глеб Горбовский, СПб.

Я тоже люблю петь. Помню, когда я был пионером классе в седьмом, за чистый и высокий голос мне доверили быть запевалой на пионерском сборе и я старательно выводил:

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один...

Получалось здорово. Меня тогда даже одарили грамотой. Но скоро я подрос, что-то случилось с голосом, и мои сольные выступления подошли к концу.

Но иногда и сейчас я пытаюсь выдавить из себя гармоничные звуки – под смех жены – до первого «петуха». В храме легче: подстраиваешься под народ и поешь вполголоса «Отче наш», и так красиво получается, когда твой несостоявшийся голосишко сливается с красивым хором. И то ладно.

Но если в песне фальшивая нота, сорвавшись, бесследно затухает в пространстве, то фальшь в писательстве не проходит даром. Не зря чистая нота высоко ценится народом и в человеке, и в книге, и в песне – даже если у тебя нет голоса. Это когда поет душа. Спойте, друзья?...

Мне пенье не давалось с детских лет —
не то чтоб наступил медведь на ухо,
но так и не раскрылся мне секрет
взаимосвязи голоса и слуха.

Когда, весь класс разбив на голоса,
учитель детским пеньем правил нежно
и хор взлетал покорно и прилежно

к плафонам, к аркам, к сводам, к парусам, —

тогда, помедлив начинать урок,
чтобы не портить стройного звучанья,
меня, пока не прозвенит звонок,
просил учитель сохранять молчанье.

И, безсловесно стоя в стороне
в пространстве гулком актового зала,
я мучилась от чувства, что во мне
прекрасная мелодия звучала.

Но только лишь, смущение поборов,
я эту песню подпускала к горлу,
мелодия, как зов простого горна,
унылым хрипом наполняла рот.

С тех детских, тенью отлетевших дней
в себе я ощущаю ту же муку:
как музыка, сокрытая во мне,
напрасно жаждет воплотиться звуком.

Но только лишь осмелится рука
начать пером движение привычно —
и за пером ползущая строка
звучит фальшиво и косноязычно.

Елена Матусовская † 1979

Где мы, когда человек одинок?

Милостыня... Легче всего одарить деньгами, особенно, если у тебя много. Труднее – отдать последнее, еще труднее, почти невозможно, отдать все.

Ступенька: имея, давать милостыню без рассуждения – когда попросят.

Ступенька: искать, кому бы помочь.

Еще ступенька: безымянная милостыня.

Выше: подарить ближнему свое время и труд; пригласить домой; посетить в больнице, помочь по хозяйству – однократно. Помолиться.

Еще выше: послужить ближнему не раз или два, а на протяжении времени; ухаживать за лежачим, приносить продукты, посещать одиноких, приютить дома. Молиться непрестанно.

Еще выше: постоянно помогать незнакомому православному человеку, молиться за него в храме.

Еще ступенька: постоянная помощь иноверцу; домашняя за него молитва.

Еще ступенька: одарить подарком недруга.

Выше: молиться за своих врагов,

Вершина: милостыня всем и во всем – без рассуждения,

Конечно, эта схема условна.

Нищий

Домой меня везла ночная электричка, скакала за окном над саваном полей рогатая луна и вспыхивали спички далеких деревень в таежной снежной мгле. В дремоте было мне ни холодно ни жарко, но голос хриплый вдруг меня вогнал в тоску: «Сограждане, прошу, подайте сколь не жалко – я с немцем воевал и защищал Москву!» Испитый старикан в проходе меж сидений ушанку протянул и на колени встал, Нам всем непросто жить, В людских глазах смятенье: зачем ты не убит? зачем не генерал? В вагоне, как в гробу, смертельно тихо стало, тревожно женщинам и горько мужикам, Луна, как желтый черт, за окнами скакала, и тени от столбов хлестали по щекам, Он встал и вновь побрел вслед за судьбой жестокой, На пьянку ли, на хлеб – поди его спроси – я мелочи наскреб вдогон ему немного, а победителей не судят на Руси (Николай Вяткин, Иркутск),

И сразу вторая история:

На Арбате

«Враги сожгли родную хату, сгубили всю мою семью. Подайте бывшему солдату на жизнь убогую мою. Когда-то спас я вас от немца, а вот сегодня сир и нищ, пришел в Москву из-под чеченца – с родных и страшных пепелищ...», Так пел старик, на снег Арбата свою ушанку положив, И хоть давали небогато, но все ж давали – будь, мол, жив, Старик допел... И вдруг ударом среди толпы раздался глас: «И кто ж просил тебя, пень старый, спасти тогда от немца нас?! Не спас бы, и, как в прочих странах, теперь мы жили б по-людски. Разнылся тут о старых ранах, и так – хоть вешайся с тоски...». Старик ни слова не ответил – ушанку поднял из-под ног, деньжонки вытряхнул на ветер, побрел, шатаясь, на восток... Он брел, солдат, слуга народа, сквозь оккупированный град. Шептал солдат: «Четыре года мне другом был мой автомат...» Слеза горячая катилась из выцветших с годами глаз... А за спиной его светилась реклама фирмы «Адидас» (Виктор Трошин, Сызрань).

Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить, – и не будет услышан. (Притч. 21, 13).

«Подавать деньги могут многие, а чтобы самому служить нуждающемуся и делать это с готовностью, любовью и братской расположенностью, – для того нужна душа высокая, великая и любознательная». Иоанн Златоуст.

Немо горит в окне огонек;
Звезды немые.
Где мы, когда человек одинок?
Где мы?
Где мы, когда он, уставясь во тьму,
Ищет совета?
Где мы, чтоб вовремя выйти к нему,
Ждущему где-то?
Сколько раз мы с тобою клялись
В чуткости к другу?
Что же ты далью счел эту близь,
Спрятал за спину руку?
Взял да забился в свой уголок,
Пишешь поэмы...
Где мы, когда человек одинок,
Где мы?..

Лев Озеров † 1996

* * *

Каждый день – под землю, а в метро тесно и невесело. В руке четки-тридцатка – «Господи, помилуй». Проезжий люд читает или разгадывает кроссворды. «Случайно не знаете: “Русская поэтесса, автор нескольких стихотворных драм”»? – вопрос застал врасплох.

Помню, как в начале своей журналистской карьеры в рекламной светской газете пришлось познакомиться с составителями кроссвордов. Занятные люди, а главное правило ремесла – любой кроссворд должен разгадать средний читатель. Техника составления отработана – были бы словари и справочники, а уж профессионал-кроссвордист составит любой

кроссворд на любую тему любой площади. На мой вопрос, повышает ли разгадывание кроссвордов интеллект, составитель не смог сдержать улыбки... И еще что-то удержало меня от публикации «православных» кроссвордов,

Мучительно застыла над журналом молодая пара, и видно, как мужеский пол жаждет показать свое умственное превосходство; вписывает буквы в клетки модная старушенция, Доживем ли до времени, когда люди перестанут разгадывать кроссворды и начнут думать?... Или молиться?...

«Вы не знаете...?» Знаю: «Неосмотрительный поступок из восьми букв? – Глупость!»

Кресто-словица
Вся страна решает кроссворды
На скамейках и в поездах.
– Кровеносный сосуд? – Аорта!
– Композитор, три буквы? – Бах!

Вся страна, от мала до велика,
Кончик ручки азартно грызет,
Вертикаль не сдалась, поелику
«Жертва Богу» – никак не «козел».

«Что ж тогда?» – лоб солдата наморщен, —
Буков пять, четвертое – «е»?..
Так старается, словно орден
Он получит за дело сие.

«Что ж такое? – потеет парнишка, —
Ведь такой, блин, нетрудный кроссворд».
– Агнец! – скажет читающий книжку, —
– Агнец это, пиши смело. Вот!

Как обрадовался этот сержантик,
Все сошлось, и четвертое – «е»!
Сколотил крестовину, не бантик.
Агнец Божий повис на столбе.

Татьяна Дубровская, Псков

* * *

Ах, девоньки – девчонки-красавицы! Чуть пригрело апрельское солнышко, разогнав вечную серость надоевшего зимнего неба, а вы уже, как воробышки, весело чирикаете и чистите оперенье. Куда там вашим модницам-мамам до нынешних косметических высот XXI века! Чуть укороченная, до колен, юбка и прическа типа «Бабетта идет на войну» вызывали у их матерей, ваших бабушек, если не осуждение вслух, то уж осуждающе сжатые губы непременно. Показать свой пупок народу тогда было немислимо. А теперь... я ведь не в суд говорю: девчонок жаль – попробуйте-ка в минус сколько-то заголить часть живота! Впрочем, и я, помню, щеголял в мороз без шапки с копной густых волос – молодость! (В скобках все равно обязан поставить назидание – книга-то православная:

«Когда видишь женщин, являющихся полуобнаженными, когда зрелища и песни не что иное выражают, как только одну преступную любовь, то как, скажи мне, сможешь ты после сего быть целомудренным», – сказал Свт. Иоанн Златоуст в 5-й Беседе на 1-е послание Солунянам.)

Но я отвлекся. Метро – не только способ передвижения, это еще и скользуньи-мысли. Стараясь не замечать девчонок, я вглядываюсь в женские руки; здесь никакая косметика не поможет – шея и руки не могут скрыть возраста.

Плачущие руки

Под смолистыми стрехами прятались голуби. Обезумевший ветер врывается в жильё. А на озере, встав на колени над прорубью, госпитальные няни полоскали бельё. Задубели на них телогрейки и чеботы, а работе, казалось, не будет конца. Но в груди их стучали упрямые молоты – милосердные, сильные в горе сердца. На солдатском бельё, в этом пекле морозном, густо пролитой крови ржавели следы. С женских пальцев стекали, как горячие слезы, на лету замерзавшие капли воды... Мы не часто друг к другу бываем внимательны, Даже прошлое вспомнить и то недосуг, Но вовек не забыть мне усталых, старательных, обожженных морозом плачущих рук... (Людмила Татьяничева)

Эти женские руки с блестящей кожей от частого пребывания в воде, со вспухшими от непрерывного труда венами, со слезающим маникюром, держащие сумки с продуктами или прилегли отдохнуть на несколько покойных минут, эти руки, в которых уже плохо держится перо, но с их помощью написаны лучшие книги в мире, эти руки... давайте лучше отойдем в сторонку или просто помолчим, дадим им тихо полежать,

Странно, однако, я не помню, красила ли мама ногти, Наверное, красила, как и все женщины, Мамины пальцы были тонкими, изящными, длинными, Но в моей памяти ее руки были в постоянной работе: то готовили, то убирала, то чистили, то шили, то вязали, то штопали. А на праздники мама, конечно, прихорашивалась, хотя, по совести, она и так была очень хороша собой. А на левой ладони, поближе к запястью, у мамы была глубокая ямка-воронка: вынимая попавшее туда стекло, хирург случайно пришил нерв. Все забыл, а мамину ямку в ладони помню, как наяву...

И если сейчас ногти девушек раскрашены всеми цветами радуги, если пальчики не боятся простудиться, – пусть! Недалеко то время, когда этим пальчикам предстоит долгая и тяжелая женская работа... Пусть покрасуются!..

Законь моды прихотливы,
Она скисает, словно крем, —
Ее приливы и отливы
Не управляемы никем.
Успеть бы! Боже, пропустили!
Как будто заняты игрой,
Спешат сменить прически, стили,
Манеры, навыки, покрой...

Евгений Винокуров

Веселись... в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего, и по видению очей твоих, только знай, что за все это Бог приведет тебя на Суд. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство твое и юность – суета (Екк. 11, 9).

Как руки у вас красивы!
Редкостной белизны.
С врагами они пугливы.
С друзьями они нежны.

Вы холите их любовно,
Меняете цвет ногтей.

А я почему-то вспомнил
Руки мамы моей.

Упрека я вам не сделаю.
Вроде бы не ко дню.
Но руки те огрубелые
С вашими не сравню.

Теперь они некрасивы
И, словно земля, темны.
Красу они всю России
Отдали в дни войны.

Все делали – не просили
Ни платы и ни наград.
Как руки у вас красивы!
Как руки мамы дрожат...

Андрей Дементьев

Песня воробышку

А. сами воробышки? В каких теплинках прятались они от морозов? А теперь радуются жизни и солнцу, и людям от их радости веселее. Воробы – птицы отважные – ведь сколько смелости надо, чтобы оторвать свою крошку у вороны, Но серенькие комочки безстрашно скачут среди громадных птиц, а те по-королевски мирятся с присутствием мелкоты,

Теперь им не до пиршеств, а в начале XX века, когда в Петербурге главным средством передвижения людей и грузов были лошади, корма у пичуг было вдосталь, Растолченный в порошок тысячами копыт, даже при легком ветерке вился в воздухе желтыми вихрями навоз, «Кто этому пел гимны – так это воробы, – вспоминает в «Записках старого петербуржца» Лев Успенский, – Плотными стаями срывались они с крыш, с деревьев, как только по пустынной улочке проезжала лихая упряжка; клубками катались по мостовой, выклеывая из еще теплых кучек помета зерна овса, Они размельчали навоз; дворники с железными совками лениво заметали его в желтые холмики – до ночной уборки»,

Воробышек – пичуга смелая!
Весь корм засыпала зима,
и лишь мука сугробов белая
заполнила все закрома.

Пусть слиплись перышки от грязи
и конский ты клюешь помет,
но я и сам не лезу в князи,
благословляя твой полет.

Вспорхни ко мне, седой воробышек,
осыпан инеем с куста.
Мне зябкость твоих серых перышек
милей павлиньего хвоста.

О, птаха зим неприхотливая!
Родной верна ты стороне,
и юга странствия счастливые
не по тебе и не по мне.

И я скучал в дороге дальней,
там, где чужая сторона,
тоской тягучею задавленный —
по горсти снега и зерна...

Николай Кузнецов

Я прочитал у Василия Пескова, что воробьи (*Fringilla domestica*) живут всего девять месяцев, и очень расстроился – какая короткая жизнь у привычной пичужки! О них не пишут песен, не восхищаются их разговорами-щебетанием, в литературе о воробьях – вскользь да неприветливо. Правда, великий русский писатель И.С. Тургенев обезсмертил птичку в «Стихотворениях в прозе». Как старый воробей ринулся спасать от собаки упавшее с дерева желторотое чадо! «Он... заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!.. Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь».

А воробышки – такая же часть русской жизни, как березка, тоска-кручина, блины, даль необъятная и дворовые коты. Не зря же народ придумал про них столько пословиц и поговорок. А фамилия Воробьев – одна из самых распространенных в России. Привыкли мы к ним и не замечаем, как борются воробьи за свою и без того короткую жизнь, с какой любовью выхаживают малышей и ставят их на крыло, как забавно купаются в пыли. Люди ничем не помогают воробьям выживать, а зря: не будь этих неприметных птах, комаров развелось бы немерено. У Бога нет ничего лишнего...

Воробьи
Золотой рассвет настал,
И защебетали гулко
Воробьи в густых кустах —
Музыкальная шкатулка.

Чьей-то волей неспроста
Ветки с листьями хранят их
От рогатки, от кота,
Стережущего пернатых.

Щебечите веселей
Вы – мои дружки, подружки —
Не скворец, не соловей,
А дворовые пичужки.

Надежда Полякова, СПб.

Воробью

Ну как, брат воробьишка, перекрыли нас с тобой?
Скворцы перекричали, дрозды пересвистели.
Мы тоже любим солнышко и воздух голубой —
Да только не умеем пускать такие трели.

Что замолчал, приятель? Не слышат? Не беда!
Чирикай на здоровье! Вот мне молчать полезно...
А с неба так и льется! Там жаворонок – да...
Шельмец, умеет как-то – и вовремя, и честно.

Давай, давай, голубчик, наяривай, ликуй:
Какая твоя должность, такая и работа!
А где-то за березками: «ку-ку, ку-ку, ку-ку!»
Не бедно и не скупно, но с паузами что-то...

Наталья Панковская

Воробьи

Едва затих состава гром,
Прорвался щебет, писк —
Откуда под землей, в метро
Вдруг воробьи взялись?

Откуда? Скачут, мельтешат,
Безопасно, как в лесу,
И что-то в клювах малышам
Взъерошенным несут.

Змеиный корпус распластав,
От станции разбег
Берет очередной состав,
Безжалостен, как век.

Все на своем пути снесет...
Но весело над ним
Щебечет воробьиный взвод,
Как жизнь непобедим.

Юлия Друнина

Ода воробью

Пока меня не сбили с толку, презревши внешность, хвор и пьян, питаю нежность к воробьям за утреннюю свиристелку, Здоров, приятель! Чик-чирик! Мне так приятен птичий лик, Я сам, подобно воробью, в зиме немилой охолонув, зерно мечты клюю с балконов, с прогретых кровель волю пью и бьюсь на крылышках об воздух во славу братиков безгнездых. Стыжусь восторгов субъективных от лебедей, от голубей. Мне мил пройдоха воробей, пророков юркий собутыльник, посадкам враг, палаткам друг, – и прыгает на лапках двух, Где холод бел, где лагерь был, где застыт крыльями засовы, орлы-стервятники да совы, разобранные на гербы, – а он и там себе с морозца попрыгивает да смеется, Шумы под окнами, зануда, зови прохожих на концерт! А между тем не так он сер, как это кажется кому-то, когда из лужицы хлебнув, к заре закидывает клюв, На нем увидит, кто не слеп, наряд изысканных расцветок, Он солнце склевывает с веток, с отшельниками делит хлеб и, оставаясь шельма шельмой, дарит нас радостью душевной, А мы бродяги, мы пираты, – и в нас воробышек шалит, но служба души тяжелит, и плохо то, что не пернаты, Тоска жива, о воробьи, кто скажет вам слова любви? Кто сложит оду воробьям, галдящим под любым окошком, безродным псам, бездомным кошкам, ромашкам пустырей и ям? Поэты вымерли, как туры, – и больше нет литературы (Борис Чичибабин)

Дети
Из калитки своей
по кирпичной мощеной дорожке
С видавшей виды
клеенчатой сумкой в руке
Он выходит
и птицам разбрасывает крошки —
Одинокий старик, проживающий в маленьком городке.
И если с вопросом к нему обратятся,
Он скажет:
– Пусть радуются голуби и воробьи!
Дети мои
разлетелись по свету, как птицы,
И с тех пор мне кажется,
что все птицы – дети мои.

Илья Фояков, СПб.

Не ввели еще чернила...

Не знаю, как сейчас объясняются в любви, но вряд ли тут придумали что-то новое: «Я люблю тебя!» Эвереста поэзии написаны на эту бессмертную тему; все мы стихотворцы в неповторимую пору любви к своей избраннице; только для нее звучат слова, в которые мы облачаем известную формулу признания.

Что было верным, что неверным,
Спроси, – душой не покривлю.
Не знаю я, кто в мире первым
Губами вылепил: люблю...

Он был воистину предтечей,
Звездой сердцу и уму:
И все поэты всех наречий
Во всем обязаны ему.

Михаил Дудин, СПб.

Честно сказать, я, читающий стихи с утра до вечера, не ожидал встретиться с любовным вздохом, который тронул бы и мою, все сказавшую, душу, Но вы послушайте:

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И горесть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ее сердце, смягчите гордый взгляд
И после прилетите опять ко мне назад;
Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть,
Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую лезя сыскать.

Александр Сумароков † 1777

Какая девушка не ответит взаимностью на такое послание?

* * *

Мелочи быта: коробок спичек стоит сейчас 30 копеек, пустая пивная бутылка – 80 копеек, стакан семечек – 5 рублей; проезд в трамвае – 12 рублей, в метро – 12, пшеничный батон – 12, ржаной – 11, прошлогодний картофель летом 6–8, черешня в июне – 100, газета 10–15, литр бензина А92 – 16 и выше, книжка – 80–120, ТВ приемник – от 5 000, средняя зарплата в СПб – 10000, ноутбук – 25000, доллар – 27,79, евро – 36,65, купейный билет до Москвы – 800, пенсия – 2 000, скромные похороны – от 25000, автомобиль «Жигули» – 150000, «Мерседес» – русских нулей не хватит, годовая инфляция – 11,5 %.

Деньги – навоз истории; без знания того, что сколько стоило, невозможно в точности восстановить эпоху. Я знаю, что вы подумали, прочитав цены: «Открыл, тоже мне, Америку!» Однако пройдет всего несколько лет, и вы вряд ли сможете вспомнить, сколько вы платили за порцию мороженого или свежую газету. Тем более, если произойдет дефолт или с купюр сбросят «лишние» нули. У меня сохранились банкноты выпуска 1991, 1992, 1993, 1995, 1997

годов. Есть даже фальшивый доллар тех приснопамятных времен. Помните, как в конце 80-х утром цены были одни, а вечером уже другие? Или как в 1995 году все мы в одночасье стали миллионерами? Помните, как на ценниках писали две цифры? Или как нам выдавали со сберкнижки только по 600 рублей? Еще есть целая коробка мелочи – от 1 копейки 1976 года до монеты в 50 рублей 1993-го. Я уже и сам запутался, что сколько когда стоило.

Пусть от нас останется легенда,
Росказни, почтовые лубки,
Бонбоньерка, выпускная лента,
Поздравительные голубки.

Давид Самойлов † 1998

Любые мелочи – трамвайные билеты, конверты, открытки, письма, монеты, конфетные обертки, листовки, приглашения, билеты в театр, квитанции об оплате, значки, визитки – одним словом, всякая, казалось бы, мелочь нашего быта, не представляющая до поры никакой ценности, обретает со временем исторический смысл. Уйдут годы, и эти свидетели истории смогут многое рассказать и вам, и вашим детям, и детям ваших детей. А если они попадут в руки понимающих людей – цены им и вовсе не будет... Потому что история – это мы, это то, что нас окружает (и то, простите, чем мы мусорим).

Нумизматика
Пять копеек тридцатого года
Разгляжу в этот день голубой —
Здесь беда и победа народа,
Наделенного трудной судьбой.

Сколько рук эту медь выбирали
Из кармана, чтоб выпить воды.
Неужели всегда по спирали
Мы от счастья живем до беды?

Пять копеек тридцатого года
Золотому подобны лучу,
Что на них было временем стерто,
Ни за что я забыть не хочу!

Вот лежит на ладони монета,
У нее заострились края —
И война, и судьба моя это,
И надежда, и вера моя.

Может, раз, может, два на прилавок
Сам бросал я истертый пятак,
А сейчас получаю в подарок
Как великий истории знак.

Олег Дмитриев

* * *

В 1951 году при раскопках Новгорода впервые были найдены берестяные грамоты, Всего их оказалось больше 900, Новгородцы пользовались ими, как мы используем теперь письма: прочитал грамотку и бросил в непролазную уличную грязь, А кора березовая сохранила, Вот грамота, написанная в середине XII века: «От Микиты к Улиану. Пойди за мне. Яз тебе хоцю, а ты мне. Ана то послух Игнат Моисиев...», Это обрывок признания в любви, в котором Микита просит Ульяну выйти за него замуж, называя Игната Моисеевича свидетелем со стороны жениха,

Мы в газете прочитали:
В Нова-городе весной
Много писем раскопали
Под стеною крепостной,
Не ввели еще чернила,
Но раскопки говорят:
Знали жены слово «милый»
Тыщу лет тому назад!

Лев Куклин СПб.

Или вот нам привет с намеком шестисотлетней давности: «Невежа писа, недуми каза, а кто се **ци**-та...» Надо переводить? Переписывались так часто, что иногда не хватало даже «бумаги», «Пришли мне бересту...» – просит один адресат другого...

Береста
Из тех глубин, где тишь,
где годы – пласт к пласту,
дошло три слова лишь:
«Пришли мне бересту».
Повытерлось письмо...
Где имя? Где число?
Не сердце ли само
слова те донесло?
Мы с предками – родня!
Как будто бы меня
касается – прочту:
«Пришли мне бересту».
Слова мои просты.
Откликнусь горячо!
Запасы бересты
пока что есть еще...

Владимир Соболев

Ценнейшие новости сообщили берестяные грамоты о новгородской денежной системе того времени. Благодаря им мы знаем, что в XIV веке главной единицей была гривна серебра – слиток весом около 196 граммов. Он делился на 4 гривны кун, а каждая куна делилась на 20 ногат, или на 50 резан, или на 150 веверну. А в XV веке уже главной единицей был рубль, который в чистом серебре весил около 150 граммов. В рубле было 216 денег. Уловили теперь,

куда я клоню? Храните для потомков свои «берестяные грамоты» – только по ним и разберутся, как мы с вами жили-поживали в конце XX – начале XXI века, чем дышали, каким рублем меряли...

«Были и редкости: два какие-то жетона, один наполеондор, одна неизвестно какая, но только очень редкая монетка»... (Ф.М. Достоевский «Господин Прохарчин»).

Культурный слой
Культурный слой: пивные пробки.
Над ними – каменный паркет.
...Вспороли Невский перестройкой
на грани двух рубежных лет,
и второпях вывозят землю —
ту, что впитала век Петра
Великого... Я не приемлю
сей спешки, – я боюсь утрат.
...Ту землю надо бы просеять,
а не на свалку, не в отвал! —
Опять ты, матушка Расея,
спешишь, готовишь пьедестал
для современных царедворцев
новейших сумрачных времен —
христопродавцев и притворцев.
...О, я не буду удивлен,
что археологи – потомки,
наткнувшись на «культурный» слой,
окинут скрытую помойку
улыбкой – дай-то Бог – не злой!

Николай Астафьев, СПб.

* * *

Мне регулярно присылают журнал Русской Православной Церкви за границей «Православная Русь», и я добросовестно прочитываю его. Недавно увидел статью «“Дом трудолюбия” на Брайтон-Бич» и заинтересовался. Пишет диакон Вадим Арефьев, пишет о русских бомжах на Лонг-Айленде в Нью-Йорке. Боже мой! Не знаю, но почему-то никогда не думалось, что наши алкоголики переместятся в Америку. А узнав об этом, проникся к ним жалостью. Не понаслышке знаю жизнь пьяницы – она полна приключений, болезней, травм, преступлений и невыразимых страданий. А тут еще незнание языка, презрение или безразличие аборигенов, чужие законы и отсутствие документов. За тем ли они стремились в «страну равных возможностей»? Пили бы уж в родной сторонushке, где и народ подобнее, и стражи порядка отходчивые, и зелье доморощенное. Зачем отправились за два океана горе мыкать? Дома и земля пухом...

У шлагаума
Он уезжает из России.
Глаза, как два лохматых рта,
глядят воинственно и сыто.
Он уезжает. Все. Черта.
«Прощай, немытая...»

Пожитки летят блудливо на весы.
Он взвесил все. Его ужимки —
для балагана, для красы.
Шумит осенний ветер в липах,
собака ходит у ларька.
Немые проводы. Ни всхлипа.
На злом лице – ни ветерка.
Стоит. Молчит. Спиной к востоку.
– Да оглянись разок, балда...
Но те березы, те восторги
его не тронут никогда.
Не прирастал он к ним травую,
колымским льдом – не примерзал.
– Ну, что ж, смывайся. Черт с тобою.
Россия, братец, не вокзал!
С ее высокого крылечка
упасть впотьмах немудрено.
И хоть сиянье жизни вечно,
а двух Отечеств – не дано.

Глеб Горбовский, СПб.

* * *

Ура-а-а! Позвонили из издательства – приняли вторую книгу «Былинки» в работу, да еще поблагодарили за написанное. Как ждал я этих ненасытных слов! Но где она, радость моя несказанная? Я хочу радоваться, как в детстве, задыхаясь и плача, – вот тогда радость до неба, Москва звенела, и поводы были посерьезнее: мне велик купили! А напиши я тогда книжку и надумай в школу принести похвастаться, да задразнили бы «Писакой». Вон их сколько понаписано, книжек, дома не поиграть, и велик пришлось в коридоре ставить. А ну соседи уронят?.. Нет, не тянет книжка на велик! Если бы там я стал директором по мороженому или в зоопарк пускать-не пускать, или железную дорогу, как в магазине «Пионер» на улице Горького, – куда ни шло. Но с великом разве сравнишь! Спицы в колесах блестящие, шины, как мяч, упругие, сиденье можно по высоте менять, звонок на руле, впереди фара горит, сзади багажник, а на раме ручной насос. И еще под сиденьем качается сумка с ключами и запасным ниппелем, Ногу на педаль – и лети быстрее ветра по Хорошевке! Да Толька Басов из 3«Б», дружок мой закадычный, если не лопнет от зависти, то уж прокатиться разок-другой, как пить дать, попросит, Жалко, конечно, а вдруг грохнется с моего стильного велика? Ох, нет, нельзя не дать, он мне настоящий военный компас давал поносить, ему отец подарил. Тоже вещь, ничего не скажешь, А велик только у Генки из соседнего двора, и старый, скрипит весь, и цепь соскакивает,
Вон ребята во дворе собрались – пора выезжать, Дзинь-дзинь-дзинь... Атас!...

Мне детство вспомнилось и мой велосипед,
зелено-красный отрок мой игривый.
Крыло переднее, подобье конской гривы,
и цепь свободная, конца которой нет.
С горы лечу, и руки не нужны.
До горизонта чист простор асфальта.
Мне с крыш соседних возгласы слышны
ребят-завистников и женское контральто...

Олег Юрков, СПб.

О детстве
Мебель, стены, да еще на память —
наслоившиеся двадцать лет...
Этот столик назывался – мамин...
Этот угол – папин кабинет...
А весь пол (от края и до края)
был моим! – паркетный побратим!
... Человек – велик, а умирает...
Детство ж нет: его удел – пройти!

Глеб Горбовский, СПб.

Перечитывая классику: «Живет человек и великие дела делает, а может, он и человек великий. Но помер он, похоронили его, насыпали холмик земли. И вырос на нем огромный лопух» (И.С.Тургенев, † 1883, «Отцы и дети»).

Сосновый бор, песчаная дорога,
Храм на холме и скудное жилье...
Простая суть – России нет без Бога
И потому меня нет без нее.

Стоят колосья, жизнью налитые,
Всех алчущих готовые любить.
И нам бы так, собратья золотые,
Для жатвы Божьей зерна сохранить.

О. Анатолий Трохин СПб.

Берегите своих невест!

Целуются! Куда ни глянь, целуются! В метро ни теснота влюбленным не помеха, ни глаза посторонних на двух эскалаторах. А как целуются – не напоказ – целуются искренне, самозабвенно, потому что любят своей единственной, своей первой любовью. Да и как не любить, когда затерявшаяся весна вдруг дохнула на люд настоящим запахом клейких листочков, проснувшейся травы, подснежников и тем живительным воздухом, от которого невозможно не влюбляться, не писать стихи, не ходить перед избранницей на голове, не парить в воздухе, не говорить глупости... И, конечно, целоваться...

Целоваться погоди —
посторонних много глаз.
Погляди-ка, погляди,
смотрит горница на нас,
смотрит белое окно,
все в прозрачных кружевах,
и льняное полотно
в ярко-белых петухах.
Печь стоит, разинув рот,
любопытствуя, притих
даже старый серый кот.
Целоваться ли при них?
Нам казалось – мы с тобой
ото всех сбежали глаз
в дом под крышей голубой,
но и тут глядят на нас.
А куда нам счастье деть?
Как любовь припрятать нам?
Может, просто не глядеть,
не глядеть по сторонам?!

Лариса Васильева

Поначалу я смотрел на целующиеся парочки исподлобья и с неодобрением: мол, дома надо целоваться³, непорядок это, и вообще, незачем солидных женатых людей в смущение вводить. Мы в свое время... правильно, мы в свое время тоже целовались где придется. Помню, ехали мы с красивой девушкой Катей в троллейбусе и всю целовались. А люди рядом завистливо говорили: «Вон как друг друга любят!»

Я скажу парням увлеченным,
все познавшим – и норд, и вест:
– Берегите своих девчонок,
берегите своих невест!..
Берегите, как деды умели,
как умели отцы беречь.
От чужого веселья, похмелья
берегите!.. Об этом речь.
Коль беда случится – спасите,
все отдайте – и жизнь! – сполна.

Берегите, по свету несите
голубые их имена.
Пусть любовь ваша станет, как праздник,
как заря, что уже занялась.
Ничего нет на свете прекрасней
этих добрых, доверчивых глаз.
Не пустая, не зряшная фраза,
мне твердить ее не надоест:
– От навета, от сплетни,
от сглаза берегите своих невест!

Вячеслав Кузнецов † 2004 СПб.

Папа мой всю жизнь маму Верочкой называл и целовал при случае. А меня только под пистолетом сейчас заставишь.

Целуйтесь, юноши с девушками! Пришло ваше время! Поэты пишут поэмы, скульпторы лепят скульптуры, режиссеры посвящают любимым фильмы, художники – картины, ученые выводят формулы, а мы, простые смертные, чем можем доказать своей единственной нашу любовь? – Страстным поцелуем, который скажет ей о нас больше всяких слов. Целуйтесь на здоровье! Весна скоро проходит...

По дамбе над Волгой,
по дамбе над спящей Казанью
касая девических платьев —
как мира другого касая.
Вот двое отстали.
Они до утра не отыщутся,
И в губы девчоночьи
мальчишечьи тычутся.
Девчоночьи – сжаты,
девчоночьи – в сторону просятся,
и схвачены пряди льняные
микстурной резинкой простенькой.
И слышу я с завистью —
увы! – не беспочвенной:
«Отстань с поцелуями!
Какой ты испорченный!»
И я ощущаю пропажу,
которую вам не понять:
Ах, мне бы «испорченность» вашу,
но поздно ее перенять.
А может быть, это не поздно,
когда над землю так звездно
и лица спадают с лица
и веет непобедимым
черемуховым,
лебединым,
которому нету конца?!

Евгений Евтушенко

В середине восьмого класса появилась в Легнице красавица Наташа Леонова. Ее золотистые волосы, толстая красивая коса, наглаженная коричневая школьная форма, которая уже не в силах была скрыть волнующие округлости, независимое поведение в новом сообществе раскололо класс на две половины.

Это кто ж она такая? Это что же за краса? Золотая, завитая, теплым солнцем залитая на спине ее коса. Мы на первой парте рядом. Я сижу, как сноп огня. Нестерпимо синим взглядом так и смотрит на меня (Николай Рачков).

Оценки в учебе уже перестали иметь решающее значение. Мальчишки изменили былым привязанностям и стали ухаживать только за новенькой. Обиженные отличники пытались с ней не общаться, но без успеха – только потому, что вокруг королевы всегда шумел рой поклонников, и она просто не заметила бойкота. А в открытые окна вливался одуряющий запах цветущей магнолии, и весна пьянила головы учеников, и сердечки девочек запрыгали чаще. По партам летали записки-признания. Все назначали друг другу свидания. Никогда не пойму, почему эта красивая девочка из всех мальчишек выбрала именно меня, курносого, задиристого, но вовсе немодного и краснеющего в девичьем обществе. Свалилось счастье – и все.

Тех, с кем прошла наша юность, пожалуй,
Мы не всегда и припомним. Но все же
Юность сама в нас сидит, словно жало,
Как ни стараемся, вырвать не можем,

Наталья Карпова

Дотемна просиживали мы с Наташей на лавочке у дома и целовались, целовались до боли в губах, пока бездушная Наташина мама не крикнет в черное окно: «Дочка, домой!» Назавтра после школы мы снова бежали на заветную лавочку целоваться, И если я вам скажу, что в наших поцелуях не было страсти, вы будете смеяться, Но наши поцелуи были открытием мира, они так украсили этот огромный, пугающий необъятностью мир взрослых, они словно говорили нам – много еще впереди неизведанного, но вдвоем легче! Наши поцелуи стали открытием прорывающейся чувственности, но это была чувственность света – нам уже не хватало просто держаться за руки. Смейтесь-смейтесь... но эти поцелуи были самыми чистыми, самыми невинными в моей жизни.

Эта запись далеких дней
на листочке тетради классной:
«Я целовался с ней!» —
начертано крупно красным.

Кирилл Ковальджи

Однажды ты предложила мне вместо физкультуры прогуляться до ближайшего леска. Конечно, мы о чем-то болтали, целовались и промокли до нитки. В школе уже ждали нашего возвращения. Наташин отец-прапорщик увел ее домой и, говорят, сильно поколотил. А меня на глазах школы избил ее новый поклонник, Понесенное страдание стало моей первой расплатой за юношескую любовь, Наверное, поэтому я и пронес имя этой девочки через немислимое число лет, Спасибо тебе, Наташа!

Ты большая в любви. Ты смелая.
Я – робею на каждом шагу.
Я плохого тебе не сделаю,
а хорошее вряд ли смогу.

Все мне кажется, будто бы по лесу
без тропинки ведешь меня ты.
Мы в дремучих цветах до пояса.
Не пойму я – что за цветы.
Не годятся все прежние навыки,
Я не знаю, что делать и как,
Ты устала. Ты просишься на руки.
Ты уже у меня на руках.
«Видишь, небо какое синее?
Слышишь, птицы какие в лесу?
Ну так что же ты? Ну? Неси меня!»
А куда я тебя понесу?..

Евгений Евтушенко

...Давай еще посидим на нашей лавочке у кустов цветущей сирени, под густое жужжание майских жуков, пока ты не уйдешь по зову мамы в свою новую взрослую жизнь. Весна, магнолии, Польша, Легница, 32 школа, 8 «Б» класс, 1963 год, конец детства, Наташа Леонова, любовь моя...

И все-таки под шорох мокрых листьев
И светлый шелест родниковых струй
Спасибо тебе, милая, за чистый,
Единственный
Далекий поцелуй.

Виктор Кортаев

Отрядом книг уставил полку

Я – робкий. Не смейтесь, знающие меня. Я – робкий писатель, если позволите себя так величать. Правда, от книжки к книжке прибывает робость, и уже не так опасешься слиться своими мыслями с великими, известными и просто чужими.

Часто цитируют Чехова
Известное изречение,
Рекомендуя для всех его
Правилом без исключения.
Глупо играть педанта,
Стиль – это дело личное.
Краткость – сестра таланта,
Но при его наличии.

Анатолий Краснову СПб.

Мысль, выраженная на бумаге, выглядит не столь убедительной, какой казалась в голове; припечатать мысль к бумаге близко к тому, какой ты вынес ее в себе, – предприятие сложное. Отсюда – робость выражения на бумаге, боязнь развить эту мысль дальше. Отсюда – поправки, зачеркивания и, как результат, – отточенный бросок в корзину. А иногда лезешь в бумажный мусор и разглаживаешь написанное.

Когда, изведав трудности ученья,
Мы начинаем складывать слова
И понимать, что есть у них значенье —
«Вода», «огонь», «старик», «олень», «травя», —
По-детски мы удивлены и рады
Тому, что буквы созданы не зря,
И первые рассказы нам награда
За первые страницы букваря.
Но часто жизнь бывает к нам сурова:
Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей сложить.

Самуил Маршак † 1964

Времена для писателя райские: бумаги для марахания – пруд пруди, гусиные перья точить принаравливать не надо и песком посыпать для просушки, и безвинну животинку не резать. А ну-ка на пергамене запечатлеть, – почитай, набело? Тут и голова с плеч...

На пергаменах тех цвела
Синева, позолота.
Тяжела, тяжела, тяжела
Работа.
Переписчик от красок хирел и слеп.
Не хватало гроша на вино и хлеб.
А барашков вели на убой, под нож,
На шашлык, на пергамен из нежных кож...

Надежда Полякова, СПб.

Я, вымучивающий каждое слово, решился спросить у короля поэтов Глеба Горбовского: «Глеб Яковлевич, а вы долго рождаете стихотворение?» Ответ ошеломил: «Да минут десять». Я не поверил, но старик, больше шутки ради, чем доказательства для, сел за раздолбанную пишущую машинку времен первых паровых двигателей и скоро настучал на плохой бумаге только что сочиненный для меня стих:

Январское солнце
Хоть солнце и холодновато,
но как лучисто в январе!
Над лесом – вспышка! Словно атом
Распался – взрывом – на заре.

Снега, пропитанные светом,
стволы деревьев, как в огне...
И в доме выпуклы предметы,
сплошь пребывавшие во сне.

Ну, а глаза – как бы прозрели,
освободясь от пелены...
И зазвучали птичьи трели
из горней спальни Весны!

«Еще написать?» – спросил поэт, потянувшись за русским лекарством.

Машинописный листок с неразборчивой царственной надписью я храню в домашнем архиве. Стихотворения пока нет ни в одной книжке Горбовского – сам проверял. Вывод неутешительный: можно писать-вставлять-перечеркивать; можно припрятать написанное в стол для вылеживания (будто, как в вине, прибавится крепости); а можно сесть, написать, вставить в очередную книгу, чтобы порадовать читателя. А еще – самое лучшее – можно и вовсе не писать. И вся недолга.

Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а все без толку...

Александр Пушкин

Так и быть, раскрою вам тайну, как слагать «былинки». Сначала ты мучительно пишешь свое, без жали терзая душу. Потом к вескости прозы прицепляешь стропы поэзии – и воздушный парашют-одуванчик, званный духом попутного ветра, поднимается над землей и неспешно парит вдаль. Потом он плавно опустится на полянку страницы, и две склоненные над книжкой головки, прочитав «былинку», в один голос скажут; «Как же вовремя она прилетела!» И прижмутся крепче, чтобы жить дальше...

Искусство поэзии
Во имя доброты – и больше ни во чье,
во имя добрых тайн и царственного лада, —
а больше ничего Поэзии не надо,
а впрочем, пусть о том печется дурачье.

У прозы есть предел. Не глух я и не слеп
и чту ее раскат и заревую залежь,
но лишь одной Душе – Поэзия одна
лишь, и лишь ее дары – всего насущный хлеб.

...Прислушайся ж, мой брат, к сокрытой глубине,
пойми ее напев и облеку в глаголы.
Есть в мире мастера, течения и школы,
и все ж в них меньше чар, чем в хлебе и вине.

...Прозаик волен жить меж страхов и сует,
кумекать о добре и в рот смотреть кумиру,
а нам любовь и гнев настраивают лиру.
Всяк день казним Иисус. И брат Ему – Поэт.

Лишь избранных кресту Поэзия поит.
Так скорби не унизь до стона попрошаек
и, если мнишь, что ты беднее, чем прозаик,
отважься перечесть Тарасов ЗАПОВІТ.

Борис Чичибабин † 1992

Летайте самолетами...

Я всегда считал себя не только законопослушным, но и свободным гражданином свободной страны; законов я, по возможности, не нарушал, а остальные житейские действия диктовало мне благоразумие. Но с годами я стал пристальнее вглядываться в жизнь и с удивлением открыл, что мною неустанно руководят на каждом шагу. Да не просто стараются облегчить твоё существование, не только предупреждают, но – указывают, что тебе можно, а что нельзя; каждая мелочь расписана, любое твоё телодвижение имеет свою пропись-приказ, можно ли тебе это сделать, а если можно, то каким образом. В случае неповиновения свободному гражданину грозят штрафными карами вплоть до смерти. Убедитесь сами: «Не влезай – убьёт!», «Осторожно, гололед!», «Берегись автомобиля!», «Не ходи на красный свет!», «Опасайся случайных связей!», «Животных не кормить!», «Предъявлять в раскрытом виде!», «Займите очередь!», «После третьего звонка не входить!», «Берегите труд уборщиц!», «Уступайте место детям и инвалидам!», «Трамвай спереди, автобус сзади», «Рваных не предлагать!», «Без бахил вход воспрещен!», «Справки платные!», «Сдачи нет!», «Храните деньги в Сбербанке!», «Летайте самолетами!», «Вам ответит первый же оператор!», «Гражданин, не задерживайте!» «На себя!», «Не мешайте работать!», «Стреляют без предупреждения!», «Купаться запрещено!», «Костры не разжигать!», «От себя!», «За распитие штраф!», «Перед употреблением взбалтывать!», «Берегите природу!», «Требуйте удостоверение!», «В проходе не стоять!», «Осторожно – окрашено!» «Различайте подделки», «Мойте руки перед едой!», «Снять головные уборы!», «Руками не трогать!», «Руки на голову!», «Соблюдайте тишину!», «Уходя, выключайте свет!», «Помогите человеку с белой тростью!», «Мальчики – налево, девочки направо», «Закрывается по техническим причинам», «Проникновение в шахту лифта опасно для жизни!», «Абонент временно отключен», «Не включать – работают люди!», «Посторонним вход запрещен!», «Выхода нет», «Выход с другой стороны», «Просроченные лекарства не принимаем!», «Оплата при входе», «Совесть – лучший контролер!», «Выдача трупов из морга с 14 до 17», «В порядке живой очереди», «Не оставляйте вещи без присмотра», «Не обследуйте незнакомые предметы!», «Телефон отключен за неуплату», «Осторожно, двери закрываются!», «Покиньте вагон!», «Кипятите воду!», «Слушайте родителей!», «Не стой под краном!»...

На черном красные слова
Ты показала мне в метро:
«Нет выхода». Ты не права!
Стоит вопрос не столь остро.
Нет выхода? Нет! Выход есть —
Его указывает честь,
Его диктует наша страсть.
Есть выход! Не поглотит пасть!

Леонид Мартынов † 1980

Я находился в полнейшей уверенности, что живу собственной головой, но оказалось, что все уже продумано до меня. От бесконечного повторения штампы-приказы так глубоко засели в родной подкорке, что я выполнял их беспрекословно, в полной уверенности, что именно так и должен поступать благонамеренный гражданин – по законам страны.

По газонам не ходить!
Не ходить... А повалиться можно?
Можно побарахтаться, попадать?

Сморщил город каменную кожу,
бродит гул трамвайного набата.
Город мокростенный, темноликий,
зелени на нем такая малость.
Был бы я кудесником великим,
мне б она, наверняка, досталась.
Ночью, когда дворники дремотны,
я приду и лягу на газоны.
Разве травка – только для животных?
Дайте травку! Это же резонно!

Глеб Горбовский, СПб.

– Девушка, соедините меня с самым главным по табличкам-надписям! Я расскажу этому неугомонному производителю пошлости, где он может работать. Я украшу его особняк от пола до крыши его собственными изречениями, Я усею его газон дурацкими запретами, я сделаю из его забора произведение чинущегого произвола, я... «С вами говорит автоответчик, Имярек находится на совещании по внедрению новых табличек-предупреждений населению. Вы можете оставить ваше сообщение после короткого сигнала. А пока прослушайте важную информацию: “Остановка поезда с помощью стоп-крана карается по закону”, “Не прикасайтесь к проводам, находящимся под напряжением”, “Удар головой об лед вызывает сотрясение мозга“...»

Осторожно – цветы!
На газонах в новом нашем парке
Высятся фанерные щиты
С надписью заботливой и яркой:
«Осторожнее, друзья, цветы!»
Чернозем от сытости лоснится.
Сквозь его живительный покров
К солнышку торопятся пробиться
Пальчики младенческих ростков.
Я иду, ступая осторожно,
Чтоб не потревожить зеленыя.
Отчего ж вдруг сделалось тревожно
И темно на сердце у меня?
... Не забыть мне сгорбленные спины
Малышей, бредущих на восток.
И как выстрел: «Осторожно – мины!» —
На полях, вдоль взорванных дорог.

Людмила Татьяничева

...Обложили! Обложили меня, как волка! Люди-и-и! Остался ли еще уголок на земле, где человек кормит животных с рук, пьет родниковую воду, не принимает лекарств, с наслаждением валяется на изумрудной траве и не боится потерять ценности, потому что их у него нет. Я ухожу туда жить. Ухожу навсегда! И плотно закрываю за собой дверь, чтобы сохранить вам тепло – по вашей прибитой гвоздями просьбе...

Охота на волков
Рвусь из сил и из всех сухожилий,

Но сегодня – опять, как вчера, —
Обложили меня. Обложили!
Гонят весело на номера!

... Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали – «Нельзя за флажки!»

... Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же – вожак, дай ответ —
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся – и поднял ружье...

Я из повиновения вышел
За флажки – жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера!
Обложили меня! Обложили!
Но остались ни с чем егеря!

Владимир Высоцкий † 1980

Имя – Александр

Это и любительское исследование, и повод поразмышлять. Иногда я играю в такую игру: приходит в редакцию посетительница и представляется: «Валя». А я ей в ответ: «Ваше имя!» Она удивляется, а я честно: «Понятия не имею». Но все равно знаю наверняка, что имя ее словно к ней привязано: и внешность имени соответствует, и характер, и привычки, и одежда, и движения рук, и даже напевность речи. У меня этот процесс сам по себе происходит, без моего участия. Но она Валя – и только!

«...родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта... Родительнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Мокк-кия, Соссия или назвать ребенка во имя мученика Хоздзата. «Нет, – подумала покойница, – имена-то все такие».

Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте: вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот ведь наказание, – проговорила старуха... – Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трефилий и Варахасий»... «Ну, уж я вижу, – сказала старуха, – что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Вот так и произошел у писателя тихий, ничем не замечательный, беззлобный (от гр. «акакиа») и несчастный человечек из «Шинели» Гоголя Акакий Акакиевич Башмачкин. Но продолжим наше исследование.

А с иным встретишься, имя называет – не его: или врет, или безалаберные родители любимому дитяти по неразумию жизнь испортили. Имя-то младенцу на Руси нарекал поп, да не сам, а по Святым призывали младенцу святого покровителя, чья память поближе. И по молитвам святого жил православный долго и счастливо. А сейчас? Не нравится имя – идешь в ЗАГС и выбираешь что-нибудь «благозвучное»: Нарцисс, или Лола, или Иренда какая-нибудь. И будет несчастная Иренда Пафнутьевна свою жизнь мыкать. А если еще и детей самочинно назовет – так весь род и будет из одной беды в другую перекачиваться, пока на нет не сойдет. Потому как имя – это отголосок святости...

Русские имена
В чем тайна? Собственное имя,
Пусть не впечатано в гранит,
Но в сочетании с другими
Твое отличие хранит;

Оно сливается с тобою,
Хотя подходит не всегда,
Оно становится судьбою
На все грядущие года;

И живы в этой звучной силе
Обозначенья твоего
Те люди, что его носили
И обезсмертили его;

Их тени имя обвивают,
Нашептывают и поют,
Они то что-то отнимают,
А то доверчиво дают.

Не тяготит ли эта ноша
Того, чья жизнь – поток забот.
На чью похожа-непохожа —
Не все ль равно. Она течет

Рекой в безбрежье океана,
То пустовата, то полна...
Привычно, ясно, смутно, странно
Живут в России имена.

Лариса Васильева

Кто знает обо мне больше меня самого? Никто. Меня зовут Александр, фамилия в данном случае не играет роли, я православный человек и в гороскопы не верю. Великая глупость, считаю я, когда в один и тот же день миллионам Александров на земном шаре предназначены одинаковые события. «Александр» происходит от древнегреческих слов «алекс» – «защищать» и «андрос» – «муж, мужчина, защитник людей». «Александр есть имя не самое глубокое, но самое гармоничное, самое внутри себя пропорциональное», – пишет православный философ Павел Флоренский.

Выдающихся носителей этого имени во все времена великое множество. Самые известные – Александр Македонский † 323 д.н. э (завоеватель мира), Александр Суворов † 1800 (полководец), Александр Пушкин † 1837 (поэт, создатель современного русского языка), Александр Невский † 1263 (воин, святой), Александр Измайлов † 1831 (писатель), Александр Воейков † 1916 (климатолог), Александр Дружинин † 1864 (писатель), Александр Серов † 1871 (композитор), Александр Даргомыжский † 1869 (композитор), Александр Мартынов † 1934 (хирург), Александр Иванов... † 1858 (выдающийся живописец), Александр Меншиков † 1729 (блестящий организатор), Александр Сумароков 1777 (поэт), Александр Дюма † 1895 (фр, писатель), Александр Куприн † 1938 (писатель), Александр Островский † 1886 (драматург), Александр Покрышкин † 1985 (летчик-истребитель), Александр Солженицын р. 1918 (лауреат Нобелевской премии), Александр Эйфель † 1923 (выдающийся инженер). И целый сонм православных святых...

Александров объединяет преданность Родине, невероятная творческая энергия, ум, интуиция, любознательность, живое воображение, впечатлительность, способность на сомнительные поступки, авантюризм, смелость, решительность, огромное честолюбие, стремление и умение всегда и во всем быть первым, слабость к женскому полу (со взаимностью), чувство юмора, тяга к спиртному, честность и совесть, воля, жестокость и отходчивость, любовь к роскоши и транжирству, хвастливость во хмелю, жалостливость, способность на самопожертвование, непощение измен и предательства. Мнение о ком-либо меняют с огромным трудом, Нравится быть на виду, но предпочитают уединение. Здоровье среднее, любят лечиться, болезни раздражают, настроение переменчивое, по характеру сангвиники или холерики, легко переутомляются, не выдерживают длительного нервного напряжения – выжиданию предпочитает открытый бой, страдают гипертонией, заболеваниями язвы желудка и сосудов, астеничны, но легко возбудимы и высокороботоспособны, Не терпят принуждения, критику воспринимают с трудом, упорно добиваются своей цели, Не стесняются советоваться, В суждениях о других резковаты, Чужих мыслей себе не приписывают. Обидчивы, но справедливы. Развито чувство благодарности. Умеют, но не любят терпеть. Думают при движении. К еде равнодушны, предпочитают соленое, горячее, жареное, перченое. Безразличны к сладостям, но не к наградам. Женщинам с ними нелегко: для Александров женщина скорее инструмент, чем предмет обожания. Не умеют радоваться: едва достигнув одной цели, переключаются на другую. Способны

делать несколько дел одновременно. Не сомневаются, что должны совершить в жизни что-то великое. На Александрах стояло и стоит государство Российское. Сопоставьте мои выводы с собственными.

Женщины с именем Александра считаются положительными, бережливыми, но скрытными и часто с тяжелым характером.

Имя дано человеку Богом для того, чтобы человек знал свое место и предназначение на земле.

Молитва святому, имя которого носишь

Моли Бога о мне, святой угодниче Божий (имя), яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому помощнику и молитвеннику о душе нашей.

Имена
А ну-ка, Македонца или Пушкина
Попробуйте назвать не Александром.
А как-нибудь иначе!
Не пытайтесь.
Еще Петру Великому придумайте
Другое имя!
Ничего не выйдет.
Встречался вам когда-нибудь юродивый,
Которого не называли Гришей?
Нет, не встречался, если не соврать!

И можно кожу заживо сорвать,
Но имя к нам так крепко припечатано.
Что силы нет переименовать,
Хоть каждое затерто и захватано.
У нас не зря про имя говорят:
Оно —
Ни дать ни взять родимое пятно.

Недавно изобретена машинка:
Приставят к человеку, и – глядишь —
Ушная мочка, малая морщинка,
Ухмылка, крылышко ноздри, горбинка, —
Пищит, как бы комарик или мышь:
– Иван!
– Семен!
– Василий!
Худо, братцы,
Чужая кожа пристаёт к носам.
Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

Арсений Тарковский † 1989

* * *

Я не могу постичь подвиг прп. Марии Египетской! Мой мозг не в состоянии понять, как она смогла совершить ею совершенное! 47 лет в пустыне, без еды и воды, на жгучем солнце и в холоде пустынной ночи, без единой твари рядом, с которой можно поговорить! Или только прикоснуться! Ну пусть не кошка, ящерка могла бы стать другом отшельнице! Но ящерики не дружат с людьми в пустыне! Каждая тварь в этом аду на земле живет только одним – про-

жить этот убийственный день! Найти каплю воды! Суметь проскочить мимо зубов, жаждущих твоей жизни и ярким днем! Закопаться в песок так глубоко, чтобы не смогли достать лучи все убивающего солнца! Сжаться на дне ямки в неприметный комочек, почти не дышать, чтобы не тратить безценную воду и дожить до спасительной ночной прохлады, когда огненный шар ляжет наскоро отдохнуть и даст ненадолго пожить другим. Но и в ночи пустыня убийственна: все живое выползает на остывающую поверхность песка, чтобы убивать. Убивать – это жить! Если ты болен и слаб, а враг хитрее тебя, ты сможешь своим тщедушным тельцем продлить жизнь другому. Правда, и твоего убийцу могут убить тогда, когда он убивает тебя. И только под утро, когда отдохнувшее солнце, потягиваясь со сна, начнет привычный обход раскаленной сковороды пустыни, лишь слабые царапины бесчисленных битв за жизнь будут недолго безобразить ее песчаное морщинистое лицо. Поднимающийся жаркий ветерок наведет порядок, выровняет неровности, закроет мелкие могилки. А в глубоких, недоступных для врагов норах выжившая и притаившаяся тварь будет лизать сухим шершавым языком раны и ждать, ждать, ждать, ждать, когда с поверхности сольется уже не мертвяще-жаркий, а живительно-теплый воздух пустыни. Значит, впереди ночь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.